

И. Ю. Кукса

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА XVIII ВЕКА¹

На материале газет «Ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» анализируются модальные средства, выражающие отношение авторов печатных текстов к содержанию сообщений, устанавливается состав модальных экспликаторов, план выражения и план содержания изучаемого модального фрагмента. В соответствии с особенностями первых газет периода формирования отечественной периодики квалифицируется «модальный фон» публикаций.

This article analyses the means of modality conveying the attitude of the author to the content of articles on the basis of "Vedomosti", "St. Petersburg Vedomosti", and "Moskovskiye Vedomosti" newspapers. The author determines the set of modal explicators, the content and expression planes of the given modal fragment and qualifies the "modal background" of the publications in the framework of the characteristic features of the first newspapers of the period of the development of Russian periodicals.

Ключевые слова: субъективная модальность, модальность текста, газетный дискурс, экспликаторы авторских интенций, история отечественной периодики.

Key words: subjective modality, modality of the text, newspaper discourse, explicators of author's intentions, history of Russian periodicals.

Несмотря на то, что отечественная периодика XVIII века главным образом была представлена журналами, переоценить первые печатные газеты трудно. Они носили ярко выраженный информационный и официальный характер, однако авторы, издатели, редакторы первых газет не преминули использовать их как способ воздействия на общество на основе «продвижения» государственной идеологии. Преобладание информационных материалов не исключало возможность организации общественного мнения в пользу реформ, государственности, действий государя и пр. Более того, «идеологический демидург» в лице Петра I оказывался и автором ряда газетных текстов.

При всей несформированности читательской аудитории и читательской потребности «в регулярном ознакомлении с прессой» [7, с. 22] уже первая российская газета «Ведомости» демонстрирует выполнение двух основных функций — информирования и воздействия (на уровне разъяснения, просвещения). В пришедших на смену петровским «Ведомостям» «Санкт-Петербургских ведомостях» функция воздействия получает определенное развитие за счет появления комментирования, когда «журналист, предлагая читателю новость, высказывал собственное мнение по поводу описываемых событий» [7, с. 24]. Рожденные чуть позже «Московские ведомости» сохранили информационный формат, вместе с тем не исключаящий воздействующий потенциал.

С позиций современного подхода к дискурсу массовой коммуникации как к особому, воздействующему типу дискурса, а к глобальной авторской интенции публицистического текста — как к убеждению [2, с. 61]² интересно рассмотреть способы выражения отношения автора газетного текста к содержанию того, что он, журналист-газетчик, считает нужным и важным сообщить читателю.

При этом очевидно, что изучение выражения отношения автора к тому, о чем он пишет, невозможно вне пределов субъективной модальности, которая является важным структурно-содержательным компонентом языковой универсалии — категории модальности. Модальность все чаще квалифицируется как текстовая категория, а под модальностью текста понимается выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю [1, с. 96]. Более того, изучение субъективной модальности важно, поскольку «субъект, выражая свое отношение к какому-либо явлению, осознанно или неосознанно пытается вызвать адекватное отношение у адресата» [4, с. 357]. Таким образом, для интерпретации текста релевантна прежде всего субъективная модальность, которая, выражая отношение говорящего к высказыванию, в числе прочего

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00172-а.

² Ср.: «По своей природе журналистская речь — это убеждающая речь» [7, с. 53].

показывает степень его уверенности в сообщаемых фактах или же определяет вероятность достоверности мысли, отражающей данную ситуацию (см. об этом, например: [5]), оценивает сообщаемое с точки зрения достоверности, вероятности, предположительности.

На примере публикаций в первых отечественных газетах («Ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости») рассматривается модальный фрагмент, план содержания которого – отношение адресанта к сообщаемому. План выражения представлен модальными наречиями, дискурсивами, вводными словами, сложноподчиненными конструкциями с модальным значением уверенности / неуверенности автора и оценки сообщаемого как достоверного / вероятного [8, с. 67], а также модальными частицами, предикатами знания и мнения и др. [8, с. 159].

Убежденность (или, напротив, неубежденность, сомнения) адресанта прозрачно иллюстрирует особо выделяемая в рамках средств выражения субъективной модальности группа конституентов, показывающих «оценку говорящим степени достоверности сообщаемого (уверенность, предположение, сомнение, неуверенность и т.п.)» [1, с. 392].

В текстах газет XVIII века средства, подтверждающие уверенность автора в достоверности / вероятности факта (события), представлены в меньшей степени по отношению к средствам, подчеркивающим антонимичное значение неуверенности (отсутствие убежденности). Очевидны различия и с точки зрения состава соответствующих модальных экспликаторов.

При сообщении фактов и сведений, которые, по мнению автора, не нуждаются в особом доказательстве, он не испытывает необходимость специально маркировать собственную убежденность. Поэтому средства выражения уверенности адресанта в том, что он сообщает читателю, в этот период представлены незначительным количеством вводных слов со значением категорической достоверности / уверенности (около трети от числа данных конституентов):

Ведомости, беспспорно, в такой великой моде, как никогда не бывало (СПВ). А в нынешнем году, конечно, повелено отделать (СПВ). Неоспоримо, что все твари находятся в равном отношении к Богу (МВ).

При этом в первых газетах преобладают дискурсивы, передающие исключительно субъективное (личностное) мнение автора.

Иногда, однако, автор специально подчеркивает достоверность предъявляемых аудитории фактов с помощью предикатов подтверждения, явная демонстрация собственной уверенности при этом отсутствует:

Другими опытами тоже подтверждено, что с помощью остроконечных прутьев у громовых туч огонь отнять можно (СПВ).

В редких случаях информация может преподноситься читателю как базирующаяся на уже знакомом, поэтому не требующая подтверждения, автор же, присоединяясь к общеизвестному, сложившемуся мнению, таким образом обозначает и свое отношение к сообщаемому:

Известно, что намерение его отлучить народ от короля (МВ).

Более распространены в данный период сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, модальный потенциал которых заключен в глаголах *надеяться, уповать, чаять*, чья семантика позволяет формировать ощущение убежденности, уверенности в том, что желаемое произошло или – чаще – произойдет³. При этом уверенность автора акцентируется глагольными формами 1-го лица:

А в будущий год, уповаем, что будут проходить суды больше нынешних великостию и тягостию (В). Однако ж, уповаем, что он заслуженного наказания не уйдет (В). Я надеюсь, что вы получили мое письмо

---

³ *Надеяться* – рассчитывать на что-н., возлагать надежду на что-н.; в форме 1-го л. ед. ч. – в значении вводного слова выражает **уверенность**: *надеюсь, вы меня поняли?* (Сл. Ож.), ср.: *надежда* – ожидание, **уверенность в осуществлении** чего-н. радостного, приятного (там же); рассчитывать на что-н. благоприятное (Сл. Лоп.), ср.: *надежда* – ожидание, **уверенность в осуществлении чего-н. желаемого** (Сл. Лоп.); *верить, уповать*, не сомневаться, ожидать с уверенностью, считать исполнение своего желанья вероятным (Сл. Даля); *чаять* – ожидать, **надеяться** на что-н. (Сл. Ож.); ожидать, **надеяться** (ИЭС); думать, полагать; **надеяться**, уповать, ожидать, предполагать (Сл. Даля), ср.: *чаянье* – полаганье, предположенье, верованье, упованье, надежда, ожиданье (Сл. Даля); *уповать* – иметь упование, **надеяться** (Сл. Ож.), ср.: *упование* – то же, что надежда (Сл. Ож.); возлагать надежду, **твердо надеяться**; др.-рус. книжн. *пъвати* – надеяться, доверять, **быть убежденным** (ИЭС); **твердо надеяться, ждать с уверенностью** (Сл. Даля), ср.: *упованье* – надежда, **уверенность**, покойная и твердая вера в ожидаемое (Сл. Даля).

от 13 числа сего месяца; ныне же **уведомляю** вас о великих и важных новостях (МВ). **Чаем**, что они в Нарве в великом утеснении живут (МВ).

Авторская уверенность слабеет в безличных конструкциях с подобными глаголами:

По всему виду **надеяться можно**, что скоро назначенный к Цесарскому двору аглинский посланник **прибудет** (СПВ).

Если же субъектами действия, которое связано с надеждой, чаянием, являются третьи лица, то авторское отношение скорее заключается в самом отборе данных глаголов:

Однако **ж надеется** всякий, что вскоре иностранные купецкие корабли сюда **прибывать начнут** (СПВ). И **надеются**, что еще около 100 000 пуд, которые в пути обретаются, получены **будут** (СПВ). И **чают**, что и тем городом **овладеют** (В).

В данных случаях речь в принципе не может идти о достоверности фактов / событий, поскольку они предъявляются читателю как возможные в будущем, но задача убеждения адресата в том, что предполагаемое свершится, является для автора ключевой. Конструкции с таким «мягким» убеждением преобладают в этот период.

Среди экспликаторов значения неуверенности на раннем этапе развития газетной журналистики лидируют вводные слова со значением проблематичной достоверности (с большей / меньшей степенью уверенности автора в том, что он сообщает читателю):

Ежели бы тот нерассудный стрелок так **цельно** не попал, то бы мы, **может быть**, не терпели такого великого несчастья (СПВ). Это, **должно быть**, тот же Убрус, в котором Тело Христово погребено (В). **Кажется**, что газетчик, продав себя единожды пристрастию и злобе, не может уже образумиться (МВ).

С помощью таких модальных средств (их около 60 % в данной группе) автор выражает сомнения, колебания, акцентирует отсутствие твердого знания какой-либо истины, не желая быть категоричным.

Если же журналист только предполагает, что факт свершится / событие произойдет, то конструкции с вводными элементами со значением неуверенности репрезентируют тактику прогнозирования:

И, **может быть**, некогда даны будут ему изъяснения, которые его **удовольствуют** (МВ); **Достойны** быть поздравлены все те, кои дожили до сего отличного дня, в который они, **может статься**, увидят себя **снаружи** не только в зеркале (МВ).

Недостоверную и / или непроверенную информацию не уверенный в ее истинности автор маркирует специальными средствами, среди которых обращают на себя внимание вводные конструкции, указывающие на анонимный источник сообщения, перформативы и предикативы в составе сложноподчиненных конструкций:

Как говорят, хочет кардинал Косция от всех дел **отстать** (СПВ). Войско шведское... **частью** в Казимире, **частью** в Сандомире **стоит**, и **сказывают**, что через великую Польшу в Прусскую землю **пойдет** (В). Между тем **убеждают**, что голоса о сем Кабинете разделены, ибо **слышно**, что г. Питт и герцог Ричмонд **настоят** на общем правлении и **непрерывном** Государственном совете (МВ). **Некоторые подтверждают**, что великодушные адмирала Бинга **весьма умалились** (МВ).

Отношение автора в этих случаях выявляется через апелляцию к неизвестному источнику: при всей недостоверности, точнее — непроверяемости сообщаемых фактов адресанту важно донести сведения до массового адресата с опорой на некое общественное мнение, пусть даже в виде слухов. Показательно, что в газетных текстах XVIII века практически отсутствуют «авторизирующие конструкции» с дискурсивами, которые подчеркивают, что сообщаемое является персональным авторским мнением (по-моему, с моей точки зрения, по моему мнению и др.) (см. об этом: [3, с. 67–68]). Это может свидетельствовать как о недостаточной сформированности данной группы дискурсивов, так и о низкой их популярности у авторов той поры, не желающих однозначно авторизовываться и столь же однозначно ссылаться на личное мнение / знание, на собственную точку зрения, что, впрочем, не означало ее отсутствие.

Передаваемая подобным образом информация почти не поддается верификации в силу анонимности источника. Отношение автора газетного текста акцентируется им скорее с помощью слов, семантика которых включает в себя компонент убежденности⁴, однако существование других мнений, точек зрения, отличных от представленных, не исключается.

---

⁴ *Уверить* // несов. уверять — **убедить** (в 1-м знач.) (Сл. Лоп.); *уверить* // несов. уверять — то же, что **убедить** в 1-м знач. (Сл. Ож.); *убедить* — 1. **заставить поверить** чему-н. (Сл. Лоп.; Сл. Ож.); *подтвердить* // несов. подтверждать — признать правильность чего-л., засвидетельствовать, **удостоверить** (Сл. Ож.).

В иных ситуациях с помощью предикатов «незнания» автор может акцентировать отсутствие у него достоверных фактов:

А куда он Мазепа ушел, того еще не ведомо (В). А о короле еще не можем ведать, с нами ли, или с отцы нашими обретаются (В). Я не знаю, какими доводами это утвердить возможно (МВ).

Отметим, что конструкции с предикатами «незнания» преобладают, адресанты не стремятся демонстрировать читателям собственное точное знание предмета сообщения, тем самым сохраняя интригу и избавляя тексты от налета категоричности, дидактизма, морализаторства.

Факты и события могут преподноситься читателю как вероятные, предполагаемые (возможные / необходимые / предпочтительные / желаемые) в будущем:

Чудес от одного Убруса можно великое множество объявить (В). Наше намерение публичные ведомости нашим читателям лучше и вразумительнее изъяснять (В). После же теми местами может быть коммуникация водою из Волги до Санк-питербурха (СПВ). Весьма потребно, дабы Меншикова сообщники были открыты и дорога к таким плутовствам была пресечена (СПВ).

В подобных случаях в сфере средств выражения субъективной модальности могут включаться единицы с семантикой возможности, желательности, долженствования, необходимости. Подчеркивается, что данные единицы способны передавать как объективно-модальные, так и субъективно-модальные значения, поскольку, формируясь в отношениях между субъектом действия и действием, они в значительной мере сохраняют в себе субъективно-оценочный компонент, который в их семантике вычленяется как «значение личного, субъективного отношения к чему-л.» [6, с. 215]. «Вероятностная» модальная окраска поддерживается также отнесением подобных конструкций к сфере потенциальности.

Как установлено исследователями, в основе ситуации достоверности находится «интеллектуальный (рациональный) тип оценки, в частности, оценки говорящим своих знаний относительно того, в какой мере пропозиция соответствует действительности» [8, с. 162]. Говорящий же (в нашем случае — пишущий) может судить о достоверности / вероятности сообщаемого им в соответствии со знаниями (предположениями) о предмете, а также на основе собственных субъективных ощущений.

В анализируемых текстах специальная демонстрация «знаний о предмете» минимальна, что объясняется спецификой первых российских периодических изданий как изданий казенно-официального и преимущественно информационного характера. Концентрация на реальных внутривнутриполитических и международных событиях, стандартизованность в отборе и преподнесении информации, определенное однообразие новостной тематики на уровне династических и придворных новостей, несформированность целевой аудитории обуславливали и относительную сдержанность авторов первых газетных текстов в отношении использования прямых эксплицитных средств убеждения читателей и создания категоричного фона публикаций.

Тем не менее личностное начало даже при формальной анонимности газетных текстов уже в этот период довольно заметно, и автор не упускает возможности акцентировать свое отношение к сообщаемой информации, стремясь тем самым сформировать у читателя определенные представления (например, о полезности реформ, необходимости военных действий и пр.). «Модальная окраска» отдельных высказываний способствует восприятию читателем субъективно-модального значения всего текста.

В целом в текстах первых газет единицы с анализируемым значением на фоне других языковых средств представлены незначительно — их всего около 5 % (от общего числа слов), в том числе вводные слова и конструкции составляют чуть более 2 % с преобладанием дискурсивов со значением проблематичной достоверности.

Это свидетельствует о том, что изначально автор газетного текста, являясь проводником информации, не допускает ее откровенного «субъективного препарирования» [2, с. 51]. Вместе с тем адресант, объективно более активное звено в субъект-субъектном взаимодействии в рамках массовой коммуникации, находит возможность преподнести читателю сформированную в тексте картину мира как приемлемую, при этом не навязывая ему настойчиво собственную точку зрения. В необходимых случаях автор подчеркивает достоверность сообщения и маркирует информацию недостоверную, непроверенную (непрроверяемую), сомнительную и пр.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2004.
2. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
3. Кормилицына М. А. Категоричность и способы ее смягчения в текстах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 7.
4. Культура русской речи. М., 2007.
5. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. №4.
6. Русская грамматика: в 2 т. / редколлегия: Н. Ю. Шведова и др. М., 1980.
7. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. СПб., 2002.
8. Тарасова Н. А. История отечественной периодики XVIII века. Петрозаводск, 2009.
9. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Список сокращений

- В — «Ведомости».
СПВ — «Санкт-Петербургские ведомости».
МВ — «Московские ведомости».
Сл. Ож. — *Словарь* русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой и С. И. Ожегова. М., 1981.
Сл. Даля. — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т., М., 1981.
Сл. Лоп. — *Лопатин В. Н., Лопатина Л. Е.* Русский толковый словарь. М., 2001.
ИЭС — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2002.

Об авторе

И. Ю. Кукса — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канга, slavphil@newmail.ru

Author

Dr. I. Yu. Kuksa, Associate Professor, IKSUR, slavphil@newmail.ru